

ОТЗЫВ

официального оппонента Сокаевой Дианы Вайнеровны
о диссертационном сочинении Паштовой Мадины Михайловны
«Фольклор черкесской диаспоры: локализация традиции, функциональность
текстов»,
представленном на соискание ученой степени доктора филологических наук
по специальности 10.01.09 – Фольклористика.

Диссертация М.М. Паштовой насчитывает 387 страниц, из них текст без библиографии – 321 страница; состоит из введения, пяти глав, заключения, списка сокращений, библиографии (литература и источники) (535 ед.).

Актуальность темы исследования диссертант обосновывает тем, что «регионы компактного проживания черкесов (адыгов) за рубежом (Турция, страны Ближнего Востока) – уникальное по своим условиям фольклорное поле» (с.9). Объяснение М.М. Паштовой причин, по которым сложилась изучаемая традиция, и характеристика жителей этого анклава позволяет увидеть историко-культурный контекст в деталях: в Узун-Яйле черкесы живут более чем полтора века; ввиду запрета на преподавание черкесского языка в школах Османской империи, а затем и Турции, отсутствия официальных каналов коммуникации, профессионально-сценической культуры наблюдается особая функциональность фольклора, специфических механизмов сохранения этнической памяти. Диаспорный анклав Турции Узун-Яйла включает в себя 71 селение нескольких этнических групп: 45 кабардинских; 15 хатукаевских; 2 абадзехских; 9 кабардиноязычных абазин.

Автором настоящей диссертации дана характеристика жанрового состава фольклора черкесской диаспоры в целом (трудовые и обрядовые песни, тексты нартского эпоса, мифологические рассказы, исторические предания, героические песни-плачи, героические и любовные песни-сетования, обрядовая и необрядовая поэзия, сказки (волшебные, бытовые, небылицы), детский (материнский) фольклор, мемораты, фабулаты,

анекдоты, пословицы и поговорки, а также стереотипные нарративы, разъясняющие их значение, фольклор речевых ситуаций и др.) и обозначен вектор исследования – фольклор черкесской диаспоры в его жанровом разнообразии, представляющий собой конгломерат локальных традиций, из которых наиболее значимые это – Узун-Яйла (Кайсери), Сивас-Гёксун, Дюздже, Токат, Бига-Чанаккале, Рейханлы и др.

М.М. Паштова исчерпывающе определяет *объект исследования*, а именно, – вербальные и невербальные тексты, зафиксированные в анклав Уzun-Яйла и других местах компактного проживания черкесов в диаспоре, поясняя, что они являются как текстами различных жанров (мифологическими и текстами классического фольклора), так и текстами, функционирующими на границе фольклора и языка, как явления фольклорно-речевой практики.

Материалом для исследования послужил полевой материал, зафиксированный от 157 информантов (более 250 часов видео- и аудиозаписей). Эти записи в жанровом отношении повторяют репертуар рассказчиков, которые были зафиксированы согласно существующим архивным и исследовательским данным на исторической территории (в метрополии); записанные лично М.М. Паштовой произведения фольклора в 2009, 2011, 2014, 2015, 2018 гг.; частные фоно- и видеозаписи; сборники по фольклору адыгов Турции, научно-фольклористические, этнологические и лингвистические статьи Р.Б. Унароковой, А.А. Ципинова, А.М. Гутова, Б.Ч. Бижоева).

Учитывая основную цель работы, а именно, исследование функциональности фольклора в условиях диаспорного анклава, диссертант ограничилась мифо-эпическими жанрами, фольклором гостинного дома, игровой культурой, диалогами информанта и собирателя. На наш взгляд этого материала достаточно для того, выявить как взаимосвязь локального текста и материнской традиции, так и взаимообусловленность устной традиции и социального контекста.

Предметом исследования представленной диссертации являются регионально-локальные особенности изучаемого фольклора и то, как тексты фольклора функционируют, обеспечивая коммуникацию в бесписьменной традиционной среде – это то, что касается конкретных произносимых и словесно оформленных текстов фольклора. Второй и обязательный для серьезных исследований фольклора аспект – это выявление текста традиционной культуры, в данном случае, адыгов диаспоры в Турции, который лежит в основе этнической и локально-культурной идентичности носителя изучаемой традиции. При таком подходе следует исследовать более широкий речевой контекст, а именно повседневное речевое поведение, коммуникативные ситуации, в которых порождаются/транслируются тексты фольклора, что и продемонстрировала в своей работе автор диссертации.

Отмечая, что «фольклор черкесской диаспоры, как, впрочем, и черкесов (адыгов) метрополии, в аспекте выявления регионально-локальных границ и культурных особенностей до настоящего времени остается совершенно неисследованной областью отечественной фольклористики» (с.10), диссертант все же отмечает опыт записывания произведений фольклора учеными-кавказоведами с начала 1990-х гг., хоть они и носили общий, разведывательный характер. Как нам представляется, определенный фольклорный материал черкесской диаспоры до обращения М.М. Паштовой к этой теме все же был собран. И об этом автор диссертации упоминает в другом месте, говоря, что «в результате дальнейших экспедиций в архивы научно-исследовательских институтов и университетов трех республик (КБР, РА, КЧР) поступил значительный по объему фольклорно-этнографический материал, опубликованы научные и научно-публицистические статьи, полевые заметки, сборники фольклорных текстов, созданы электронные базы данных» (с.10), и делает акцент на том, что настоящая работа является первой попыткой комплексного научного осмысления и анализа полевых материалов изучаемого анклава *в аспекте локалистики, регионоведения, функциональности фольклора в контексте социальной коммуникации.*

Диссертант четко видит цель, к которой стремится: изучаемая локальная традиция развивалась при особенных обстоятельствах – она была оторвана как от исторической территории, так и от инокультурного окружения в течение определенного исторического периода. Поэтому М.М. Паштова совершенно верно не остановилась только на описании жанров местного фольклора, но и поставила перед собой цель выявить, каким образом «а) стереотипные устные тексты и связанные с ними вернакулярные практики структурируют дискурсы разных форм идентичности (локально-культурной, этнокультурной, региональной, социальной (сословной) и др.); б) фольклорный дискурс взаимодействует с другими составляющими культурной жизни диаспоры и влияет на современную общественно-бытовую ситуацию» (с.12). В связи с целью исследования М.М. Паштовой были решены определенные ее задачи:

Для того, чтобы *выявить культурно-ландшафтные границы исследуемого анклава (Узун-Яйла) и определить основные дистинктивные (отличительные) признаки местной фольклорной традиции* диссертант в 3-ем параграфе первой главы **«Локальная идентичность и местные фольклорные традиции: опыт полевых исследований в анклав Узун-Яйла»** в качестве культурно-ландшафтных параметров описывает маркеры локальной идентичности:

-традиция эстафетных пений махсымафа; ритуализированные застольные песнопения, происходившие в мужском гостинном доме как часть свадебного обряда по случаю приготовления бузы;

-обряды и обрядовые действия, например, этнографическое действие «поднятие руки во время траурной церемонии», завещанный по преданию Жабаги Казаноко;

-трансформация функций демонологического персонажа мифологического бестиария хашхавытле; в Узун-Яйле возникли новые демонологические зооморфные персонажи: лиса/ джинны в облике лисы; орел/ в виде орла; индюк/ как черный индюк;

- музыкально-хореографический репертуар;
- микротопонимика;
- тексты самоописания традиции, так называемый фольклорный рефлексив;

Рассуждая о *разных видах/уровнях идентичности: этнокультурной, локальной, социально-гендерной, речеповеденческой*, М.М. Паштова в первом параграфе «Словари как форма презентации локальной традиции и актуализации узун-яйлинского фольклорного диалекта» пятой главы диссертации **«Языковой аспект исследования Узун-Яйлинского текста»** справедливо приводит разные понятия, обозначающие этнокультурную обособленность того или иного варианта национальной традиции, как то «фольклорный диалект» (введенное К.В. Чистовым) или «этнокультурная диалектность». Этим и многими другими примерами М.М. Паштова демонстрирует свободное владение терминологической базой современной фольклористики.

Определяя основные корпусы текстов классического фольклора и сопоставляя их с материнской традицией в плане структуры текста, контекста и функциональности, диссертант доказывает правомочность положения настоящей диссертации о том, что корпус текстов классического фольклора изучаемой локальной традиции типологически схож с материнской традицией в плане иерархии жанров, образов, функций персонажей, исторического ономастикона, но при этом М.М. Паштова демонстрирует правдивость другого положения диссертации о том, что за полтора столетия изолированного существования анклава местный корпус фольклорных текстов обрел такое новое качество, как повышенная социальная функциональность.

Во второй главе своей диссертационной работы **«Мифо-эпическая традиция в фольклоре диаспоры»** в параграфе «Мифологический нарратив: сохранность, семантика, типология» М.М. Паштова подробно анализирует версию космогонического мифа в фольклоре Узун-Яйлы: она

прочитывается в песнях «Когда этот старый мир еще не загустел...». Сравнив узун-яйлинские варианты с 23 рукописными вариантами этого текста и 47 его фонозаписей (1949-1970-е гг.), хранящихся в архиве Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований РАН, диссертант выявила локальные особенности этиологического нарратива (например, в Узунь-Яйлы упоминается паучий князь); также М.М. Паштова выяснила, что знание текста и исполнение данного произведения фольклора является одним из элементов локально-культурной идентичности жителей узун-яйлинского анклава, и они это подчеркивают словами «эти песни знаем только мы» (с.99-100).

В процессе *анализа института черкесского гостиного дома как пространства функционирования текстов классического фольклора (песен и преданий, «привезенных с родины»), поддержания исторической памяти и идентичности, трансляции важных социальных компетенций как инструмента решения внутренних задач местной общины*, что отразилось в третьей главе диссертации **«Фольклор черкесского дома: культурно-исторический и коммуникативно-прагматический аспекты»**, М.М. Паштова заключает, что благодаря традиционным неформальным каналам внутриобщинной коммуникации сохранилась такая важная социальная институция, как черкесский гостиный дом – хачеш. В рамках хачеша происходят внутриобщинные встречи для выработки общей точки зрения по разным поводам и принятие значимых решений, организация различных встреч с гостями и представителями официальной власти. Для хачеша характерны «главные» и «второстепенные» помещения, иерархическое рассаживание, стереотипные модели общения, ролевые функции (возрастные, гендерные, закрепленные и импровизированные), традиционные виды угощений и т.п.

Поскольку прежняя сословная иерархия не сохранилась, носитель культуры утверждает ценности аристократической культуры как «истинно адыгские», общеэтнические. Например, в рамках хачеша выработан постулат

о роли денег в современном обществе. При том, что есть понимание/тексты о необходимости освоения культуры денег для успешной деятельности в современном урбанизированном обществе, хачеш репрезентируют традиционное (феодално-рыцарское) отрицающее отношение к коммерции. Важными категориями текстов, связанных с хачешом, являются «человечность» и «адыгство».

Рассмотрению особенностей функционирования игровых институтов в культуре исследуемого анклава; выявлению универсальных и локальных особенностей бытования текстов о джегуако (поэтах, пишиао-инструменталистах, хатияко) в исследуемой фольклорной традиции; дифференцированию основных разновидностей джегуаковских специальностей, функционирующих в фольклорном поле Узун-Яйлы; демонстрации основных жанрово-стилистических особенностей творчества народных поэтов посвящена четвертая глава диссертационного сочинения М.М. Паштовой «**Институт джегуако в фольклорной культуре Узун-Яйлы**». Рассматривая функционирование игровых институтов и существующих в их рамках корпусов текстов (ритуализованное игровое общение *узршэр*, явления игрищной культуры, нарративы о ритуально-игровых практиках), которая реализовывалась до недавнего времени благодаря профессиональной деятельности народных поэтов и импровизаторов, инструменталистов, джегуако, М.М. Паштова, пользуясь сравнительным методом (диаспора/метрополия), выявила ключевые элементы и символы локальной идентичности и в этом сегменте изучаемой фольклорной традиции.

Социальные функции смеховых текстов-диалогов продуктивно рассмотрены в таких коммуникативно-когнитивных аспектах как групповая маркировка, игровая идиолектная речь как смеховой сигнал и инструмент моделирования в контексте игры и быта. Субэтнические характеристики выполняют, как справедливо замечает М.М. Паштова, социорегулятивную и этноструктурирующую функцию, и, кроме того, формирует чувство

групповой солидарности, защищенности перед лицом внешней угрозы, актуализирует характер и принципы структурирования локальных сообществ, а также объективирует соответствующий этнонимикон и топонимикон.

Все игрищное пространство чапца пронизано мифологическим компонентом: начиналось игрище с началом сумерек («время пробуждения нечисти»), на игрище главной целью было «не дать больному уснуть», чтобы он во сне «от испуга и резкого движения» не сломал вторично кости; перед игрищем стены дома с больным обмазывались навозом или сажей (апотропеическая функция); помещение подготавливала специальная девушка, которая называлась «чапцевая покровительница, охранительница»; рядом с больным выставляется сосуд с водой и яйцом (защита от дурного глаза); каждый проходящий должен был ударить металлическим предметом по лежащему/подвешенному на пороге железному лемеху и произнести благопожелание «да встанешь ты вновь выздоровевшим»; порог нужно было перешагнуть не задев правой ногой. Железный лемех отсылает нас к божеству-покровителю кузнечного ремесла Тлепшу. В Узун-Яйле М.М. Паштовой зафиксирован текст заговора от сглаза с упоминанием имени Тлепша. Демон оспы, табуированный в контексте игрища, связан с Созарешем (покровитель земледелия, путешествий, морских волн и ветров, семейного очага и здоровья обитателей дома), особо почитаемым причерноморскими этническими группами черкесов (натухайцами и шапсугами). Мифологическую функцию имеет и посох/жезл распорядителя обряда чапц или его помощника, шута в маске козла, сатира (с.249-254).

Именно нарративы об узун-яйлинской музыкально-игрищной культуре, обрядах и ритуалах, обусловленных определенным социальным контекстом, являются очень информативным материалом выявления структурных отличий местной традиции от фольклорных традиций метрополии.

К сожалению, как заключает диссертант на примере изучаемого материала мифо-ритуальная традиция, обряды и ритуалы вытесняются под воздействием мировых религий на периферию коллективной памяти.

Пятая глава диссертации «**Языковой аспект исследования узун-яйлинского текста**» посвящена исследованию текстов узун-яйлинской локальной традиции в языковом аспекте и состоит из таких параграфов: «Словари как форма презентации локальной традиции и актуализации узун-яйлинского фольклорного диалекта»; «Фонетико-морфологические особенности узун-яйлинского фольклорного диалекта»; «Лексико-фразеологический аспект проблемы составления словаря фольклора Узун-Яйлы»; «Заимствованная лексика и связанные с ней морфологические и фразеологические явления в фольклорно-речевой практике узуняйлинцев»; «Паремии в фольклорно-речевой практике узуняйлинцев: универсальное и локальное».

Великолепное владение М.М. Паштовой языковым материалом произведений фольклора анклава диаспоры; детальное сравнение его с языком фольклора метрополии; корректное и четкое структурирование исследуемого языкового материала; выявление соотношения исконной и заимствованной лексики и фразеологии в фольклорном тексте; доказательство важности лексикографического исследования текстов как необходимого способа адекватного описания локальной фольклорной традиции; пополнения через проделанную работу базы для создания фольклорно-диалектных, этнодиалектных и других словарей сделало бы честь серьезному специалисту в области этнолингвистики.

Фольклор черкесской диаспоры Турции, как и многих других диаспорных традиций, например, осетинской, отличается наибольшей консервативностью и, следовательно, является важным источником для сравнения с фольклором метрополии. Для адыгов фольклор диаспоры и, особенно, узун-яйлинского анклава, имеет социо-культурное значение, так как репрезентирует особое местное восприятие и понимание сословного

аристократизма и так называемого «нового благородства». Важно было отметить, что для исследуемой анклавной традиции, и других подобных традиций значимыми является «история заселения анклава и осознание носителями культуры особенностей социальной структуры своей общины, и, как следствие, – формирование специфических способов и каналов коммуникации» (с.315).

В качестве замечания хотелось бы обозначить недостаточно ясное объяснение разделения фольклора на «мифологический» и «классический». Насколько правильным является отождествление понятий «архаический» и «мифологический», говоря о фольклоре адыгов, так называемый классический фольклор и сказания нартского эпоса адыгов которого содержат значительный мифологический компонент?

Хотелось бы также увидеть в данной диссертационной работе анализ и выводы по поводу софункционирования исконно адыгского и мусульманского компонентов в фольклоре рассматриваемого анклава, хотя отдельные реплики и замечания по поводу влияния/не влияния исламской культуры встречаются в разных главах диссертации.

Серьезное внимание в настоящем диссертационном исследовании уделено *актуализации этнокультурной специфики межличностной и межгрупповой коммуникации в ходе полевой работы в черкесских диаспорных сообществах* – об этом М.М. Паштова пишет в части «Актуализация форм идентичности в условиях полевой работы: собиратель и информант» первой главы диссертации (с.83-89). При том, что диссертант подробно описывает подходы, выработанные ею лично впервые и примененные в изучаемой среде, нам представляется целесообразным и структурно оправданным выделение этого раздела в отдельный параграф как описание метода/методики сбора фольклора.

Сделанные замечания несколько не занижают общего великолепного впечатления от фундаментально написанной работы М.М. Паштовой.

Диссертационное сочинение М.М. Паштовой представляет собой самостоятельное и завершённое исследование, посвящённое решению важной научной проблемы определения особенностей фольклорной локальной традиции адыгов диаспорного анклава (Узун-Яйла), просуществовавшего вне исторической территории, изолированно от инокультурного влияния достаточно длительный период, и является весомым вкладом в разработку методов и методик локалистики как части фольклористики. Работа имеет несомненное теоретическое и практическое значение для фольклористики в целом и для исследования адыгского фольклора в частности.

Содержание автореферата и опубликованных работ полностью отвечает тексту диссертации. Исследование прошло необходимую апробацию и по результатам исследования опубликованы: более 50 статей, 15 из которых размещены в изданиях рекомендованных ВАК РФ; 1 монография; 1 энциклопедия (в соавторстве с М. И. Мижаевым); 1 сборник фольклорных текстов. По актуальности проблематики, научной новизне, теоретическому уровню, практической значимости диссертация «Фольклор черкесской диаспоры: локализация традиции, функциональность текстов» соответствует критериям, которые изложены в пп. 9–14 действующего «Положения о присуждении ученых степеней», утверждённого Постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. N 842 (в редакции от 1.10.2018 с изменениями от 26.05.2020), а ее автор Мадина Михайловна Паштова заслуживает присуждения ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.01.09 – Фольклористика.

Официальный оппонент – Сокаева Диана Вайнеровна,
доктор филологических наук (шифр специальности 10.01.09),
ведущий научный сотрудник отдела фольклора и литературы

Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им.
В.И. Абаева – филиал Федерального государственного бюджетного
учреждения науки Федерального научного центра Владикавказский научный
центр РАН

362040, Республика Северная Осетия-Алания, г. Владикавказ, пр. Мира, 10
Т./ф.: (867 2) 53-69-61; e-mail: soigsi@mail.ru

28.02.2022 г.

Подпись Д.В. Сокаевой заверяю

Ученый секретарь

СОИГСИ им. В.И. Абаева ВНЦ РАН

кин Э. Ш. Гутиева